

ДИРЕКТОР ДЕТСКОГО ДОМА

ЧАСТЬ I ДЕВУШКА В ГИМНАСТЕРКЕ

Что оставляет после себя человек? Один — крепкое хозяйство, дом, что как полная чаша, другой — много детей и внуков, третий... Третий улетит от нас незаметно, не оставив в память о себе ничего, кроме строчки в книге записей актов гражданского состояния или в домовой книге. Бывает, как говорится, и так.

Но есть, встречаются, к счастью, и такие люди, которым еще при жизни надо бы ставить памятник. Только ни мрамор, ни даже бронза для этого не подкажут, потому что и они не долговечны в сравнении с тем, что мы зовем памятью сердца. В большинстве своем эта память о людях очень скромных, мимо которых пройдешь — и не заметишь. И только узнав их поближе, поймешь все величие их души, почувствуешь, какое чистое открытое сердце бьется у них в груди.

Как ни странно, но именно детям дано то, что порой ускользает от взрослых: оценить человека по красоте его души. Если кого-то любят дети, значит, это хороший, добрый человек. А если они и детям своим завещали свою любовь к такому человеку, значит он — прекрасен.

Когда в конце 1945 года в Большемурашкинском детском доме, только что сформированном, появилась новая воспитательница, сразу стало ясно: фронтовичка. Черноволосая, с очень добрыми глазами, она была одета в гимнастерку, которая сидела на ней, как на бывалом солдате. И действительно, за плечами Марии Федоровны Гугиной, как звали новую воспитательницу, был большой солдатский путь.

Война застала ее, молоденькую учительницу, в Большом Мурашкине, куда она приехала погостить к сестре. На следующий день Мария поехала домой, в Гагинский район. Здесь жила ее семья, а сама она работала в школе, учила детей.

Фронт приближался: фашисты рвались вглубь нашей страны. Их самолеты стали появляться над Горьким. И

Мария пошла в военкомат. В том же 1942 году она стала бойцом отдельного 104-го батальона дивизии ПВО города Горького. После трехмесячной подготовки ее вместе с другими девушками — солдатами распределили по постам наземного оповещения связи вокруг Горького, заменив подлечившихся бойцов-мужчин.

Мария Федоровна вспоминает:

«Я была начальником поста. Нашей задачей было: оповещать прожектористов и зенитчиков ПВО о приближении вражеских самолетов, которые летали бомбить Горький. Без наших сигналов противовоздушная оборона не могла прийти в боевую готовность.

Штаб дивизии был в Семёнове. А мы, наблюдатели, кочевали по всей области. Нас фашисты не бомбили, не застреливали, наверное. Но однажды, это было в Дальнеконстантиновском районе под Борисово-Покровском, фашист сбросил бомбу. Она упала рядом с постом и, к счастью, не взорвалась.

Когда полеты на Горький прекратились, нас отправили на Белорусский фронт. Были под Смоленском, Витебском, Минском, Оршей. Видели следы зверств фашистов на временно оккупированной территории Белоруссии.

А День Победы встретили под Рогачевом. Нас разбудила дежурная, кричит: «Девочки! Вставайте!». Мы было подумали, что это натали бандеровцы, такое случалось. А она кричит: «Победа! Победа!». На радостях стали палить в небо из автоматов. Из соседнего села прибежали жители, исполошились.

Потом я пошла в местный Совет, собрали людей, и рассказала о победе.

В июне 1945 нас мобилизовали, а я приехала в Мурашкино. Сюда перебралась наша семья в войну. Устроилась на работу в детский дом. Его директором была тогда Нина Александровна Козлова».

Сначала Мария Федоровна работала воспитательницей, а с августа 1947 года ее назначили директором детдома.

Чтобы понять, какую ответственность она на себе несла, надо представить себе условия, в которых жили тогда наши люди.

Это было невероятно трудное даже по военным меркам время. Война оставила много сирот, разруху, болезни, в том числе такую, как трахома. Больных детей приходилось брать домой и там их выхаживать. Не было в достатке ни продовольствия, ни одежды. Булка хлеба стоила на базаре 700 рублей, а воспитательская зарплата за месяц была в два раза меньше. К тому же в 1947 году умерла мать Марии, оставив на ее попечение младших детей: Колю и Ваню.

Особенно трудно было весной 1947 года. У воспитателей кружилась голова, когда они кормили детей: сами-то были голодные. Но вот перед Новым годом отменили хлебные карточки. Дети пришли в столовую, а на тарелках — хлеб. Они долго не могли привыкнуть к этому. Целую неделю отъедались. Расход хлеба был страшно велик, до одного килограмма на человека. И потом еще долго находили прятанные детьми куски: то в углу, то в другом укромном месте.

Нужно было не только накормить и одеть детей, главное было — заменить им родителей, дать образование, воспитать их хорошими людьми.

С первых дней работы в детском доме Мария стала для ребят как мать. Умела и приласкать, и поплакать с ними, и пошутить, и поругать, когда необходимо. И ни разу никого несправедливо не наказала. А дети были — не паенки. Некоторые еще до прибытия в Мурашкино привыкли к воровству. Что бы из них вышло, если дать этой привычке укорениться?

Сумела Мария Федоровна победить воровство. Действовала продуманно, без разговоров. В выходные дни, когда в Мурашкине открывался рынок, уводила ребят подальше от села: в поле, в лес. Читала им там хорошие книги. Умела опереться и на коллектив.

Разными путями попадали дети в детский дом. Отцы многих погибли на фронте. Некоторых приносили прямо с улицы. У Володи и Веры Кузнецовых папа погиб в 1943 году, а мама опухла от «водянки» и умерла в голодный 1947 год. У Коли Архипова отец тоже погиб на фронте, а вскоре и матери не стало. Сколько надо было приложить заботы, сколько дать детям тепла и ласки, чтобы сохранить им детство?

Материнское тепло полной мерой сироты получали от воспитательниц детского дома Клавдии Александровны Малышевой, Екатерины Абрамовны Жуковой, Ирины Ефимовны Монева, няни Глафиры Васильевны Черствинной, поварихи Пелагеи Васильевны Грушко, первого директора детдома, ныне заслуженной учительницы школы РСФСР Нины Александровны Козловой.

Вспоминает Ирина Ефимовна Монева:

«Все мы — и дети, и воспитатели, очень любили Марию Федоровну. Она замечательный организатор, очень хорошо относилась к сотрудникам, а к молодым была особенно внимательна.

Когда я начинала работать в детском доме, она многое

сделала, чтобы научить меня работать. Замечания делала спокойно и очень деликатно. Я не помню, чтобы она хоть раз повысила на кого-то голос. Это был лучший пример для всех сотрудников.

Что касается детей, то я не раз слышала, как они говорили друг другу: «А Мария Федоровна? Что она скажет?». Когда детский дом начали расформировывать, я сопровождала ребят в Горький, и Мария Федоровна наказывала: «Обязательно устройте детей получше, узнайте, где и как им живется».

Прошло столько лет, а для меня она и сейчас как будто директор».

По-матерински добрая и ласковая к детям, Мария Федоровна и защищала их, как мать. Однажды на работу в детдом пришла грубая и невыдержанная женщина. Она посмела ударить ребенка. «Такой не место среди воспитателей», — решила директор и добила, чтобы ту женщину уволили. Там, где дети, не место грубости и бездушию!

Как когда-то прикрывала она Горький от разбоев фашистских стервятников, так и на посту директора детского дома Мария Федоровна Гугина сохраняла осиротевших мальчиков и девочек от тягостных лишений и бед, от недобрых людей, сохраняла для счастливой жизни.

А. СВЕРЧКОВ.

(Продолжение следует).

НА СНИМКАХ: 1. М. Ф. Гугина (слева) командир поста оповещения связи дивизии ПВО со своей подругой Н. Гихоновой. Дальнеконстантиновский район, октябрь 1943 года.

2. Директор Большемурашкинского детдома М. Ф. Гугина (в центре) с воспитателями К. А. Малышевой (слева) и Е. А. Жуковой (справа) и воспитанниками. Б-Мурашкино, 1947 год.

ДИРЕКТОР ДЕТСКОГО ДОМА

ЧАСТЬ II

МЫ ПОМНИМ ВАС

Окончание. Нач. в № 31.

Редкий день в дом на Старо-Луговой улице, где живет Мария Федоровна Гугина, почтальон не приносит письмо или почтовую открытку. Особенно поток корреспонденции возрастает в праздничные дни. Пишут и родственники, и знакомые, и коллеги по педагогической работе. Немало приходит и писем от бывших детдомовцев.

Вот письма от Антонины Зазнобиной, воспитанницы Ардаговского детдома, где Мария Федоровна работала, когда в 1950 году вышла замуж и уехала из Большого Мурашкина.

Тоня, как и некоторые другие дети, была вывезена из блокированного фашистами Ленинграда в нашу область. Родители, видимо, погибли, и она так и осталась жить на горьковской земле.

Мария Федоровна помогла ей найти свое место в жизни. Так случилось, что свою дочь Олю Антонина с трех лет возила на лето к Марии Федо-

ровне, а сама в это время училась.

— Вот, посмотрите, — показывает хозяйка фотографию. — Это и есть Оля. На фото — молодая пара: мужчина и женщина. Оказывается, дочь ее воспитанницы вышла замуж и работает в одной из горьковских школ, преподает математику. А ее мама не без основания считает, что профессию педагога Оля выбрала под влиянием Марии Федоровны.

— А вот письма от Лобачевых, — Мария Федоровна показывает сразу целую пачку конвертов со штемпелем: Минск. В этом городе Мария Федоровна бывала несколько раз в гостях у своего воспитанника Александра Лобачева. И почти каждое лето у нее гостит кто-то из его семьи, а то и все разом приезжают к ней, привозят с собой подарки к ее дню рождения. Гостят, бывает, по нескольку недель. Вот и в последнем письме Оленька — младшая дочь Лобачевых — пишет «бабушке и дедушке», что летом приедет

к ним в гости. В конверт она вложила отчет о своих отметках. «Учится хорошо, только вот с русским языком у Оли еще неважно», — замечает Мария Федоровна.

Что-то много сейчас появилось бабушек, которые и с родными-то внучатами посидеть не хотят, а уж если и посянут чуть-чуть, то выдают это чуть ли не за самоотверженный поступок. Наверное, они еще и осудят Марию Федоровну за ее мягкосердечность. Но уж совершенно точно, что сама она себя никогда не пожалела за это.

Делать людям добро, помогать им — в этом смысл всей ее жизни. «Красоту уносят годы, доброту — не унесут», — поется в одной хорошей песне. Это про нее, про Марию Федоровну.

Сама она, кажется, ни дня не проживет только для себя. Всегда в ее доме кто-то есть: то соседка зайдет, то просто знакомый человек. Уж очень просто и непринужденно чувствуешь себя рядом с ней. Да и обстановка в доме распола-

гает к душевному разговору: все просто, без излишеств: ни дорогих ковров, ни полированной мебели, которые сами по себе стесняют гостя. Кажется, есть только одна роскошь, без которой Мария Федоровна не мыслит себя, своей жизни — это роскошь человеческого общения.

Она рассказывает, как однажды гостила у родственников, что уехали в город. «Вы можете представить такое? За две недели ни они ни к кому не вышли, ни к ним никто не пришел. Уж я им и говорю: «Так нельзя жить, в одиночку. Приезжайте-ка назад в Большое Мурашкино».

Каждая встреча с этой прекрасной женщиной обогащает духовно. Я видел, как она встречается со своими бывшими выпускниками.

Это было накануне 8 марта. Мы, газетчики, зашли к Марии Федоровне, чтобы записать на магнитофонную ленту ее рассказ о работе детского дома. Хозяйка приветливо, но очень волнуясь, встретила нас, пригласила в горницу с порт-

ретом Сергея Есенина на стене. Пока она отвечала на наши вопросы, дверь из сеней открылась, и в дом вошел мужчина, по виду — приезжий.

Так оно и оказалось. Когда Мария Федоровна и ее гость расцеловались, она представила: Володя Кузнецов, детдомовец, приехал из Белоруссии. Какой молодец!

Было видно, что оба они очень рады видеть друг друга. Володя — тот самый мальчик, который вместе со своей сестрой попал в детдом в голодный послевоенный год, после смерти матери.

— Живу под Витебском. А в Большом Мурашкине моя родина. Здесь живет моя сестра Вера. Пришел вот к Марии Федоровне поздравить с праздником 8 Марта. Мы помним детский дом и наших воспитателей. И за хорошее отношение всегда приходим к Марии Федоровне.

Хорошее отношение к человеку... Как жаль, что не придумали за это достойной награды. А ведь это мог бы быть орден, почетнее которого нет и никогда еще не было в мире. Потому что красивым внешне человека делает природа, а вот внутреннюю красоту творят только сами люди. Такие, как скромная труженица, простая советская учительница Мария Федоровна Гугина. Коммунист Гугина, которая в марте отмечает свой 45-летний юбилей принадлежности к партии большевиков. Мы помним вас, Мария Федоровна!

А. СВЕРЧКОВ.

НА СНИМКЕ: М. Ф. Гугина [слева] с Олей Зазнобиной в гостях у воспитанника Большемурашкинского детдома А. Лобачева [справа] в Минске в 1971 году.